

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Процесс шекспиризации в русской литературе рубежа XVIII–XIX вв.: пример М. Н. Муравьева*

Н. В. ЗАХАРОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

Влияние Шекспира на Муравьева является ярким примером становления «культы Шекспира» на рубеже XVIII–XIX вв. Именно тогда английский драматург стал оказывать мощное влияние на отечественный литературный процесс. Вместе с Н. М. Карамзиным М. Н. Муравьев стал одним из первых серьезных почитателей Шекспира, знатоков и популяризаторов его творчества в России.

Ключевые слова: Шекспир, Муравьев, шекспиризация, культ Шекспира.

The Process of Shakespearization in the Russian Literature at the Turn of the XVIII-XIX Centuries: the Example of M. N. Muravyov

N. V. ZAKHAROV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Abstract: The influence of Shakespeare on M. N. Muravyov is a striking example of formation of the «cult of Shakespeare» at the turn of the XVIII-XIX centuries. Just at that time the English playwright's powerful influence on the Russian literary process began. Along with N. M. Karamzin, M. N. Muravyov became one of the first serious admirers of Shakespeare, connoisseurs and popularizers of his creative works on the Russian cultural background.

Keywords: Shakespeare, Muravyov, Shakespearization, cult of Shakespeare.

Вопрос о том, в какой мере творчество Шекспира получило распространение в русской культуре рубежа XVIII–XIX вв., неоднократно освещался в научной критике XX в., в частности в коллективной моно-

графии под редакцией М. П. Алексеева «Шекспир и русская культура» (1965), книге Ю. Д. Левина «Шекспир и русская литература XIX века» (Левин, 1988). Но хотя в них и упоминалось имя Михаила Никитича Му-

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Идея "шекспиризма" в русской литературе XIX века: Пушкин и Достоевский», поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда (проект №07-04-00182а).

** Захаров Николай Владимирович — доктор философии (PhD), кандидат филологических наук, заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, ученый секретарь Шекспировской комиссии РАН. Тел.: (495) 374-75-95. Эл. адрес: nikoltine@yandex.ru

равьева (1757–1807), роль его была недостаточно проявлена. Тезаурусная концепция шекспиризации (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008; Захаров, 2008) позволяет по-новому взглянуть на вклад этого писателя в освоение творчества Шекспира в русской культуре.

Он вошел в литературу в период нарастающего увлечения Шекспиром. Начиная с 1770–1780-х годов в отечественных журналах опубликованы первые переводы отрывков из шекспировских пьес. В 1772 г. появился перевод «Монолог Ромео» из 3-й сцены V действия, переведенный М. Сушковой (Сушкова, 1772: 14–16), в 1775 г. — монолог Гамлета «Иль жить, или не жить, теперь решиться должно», выполненный М. И. Плещеевым (Плещеев, 1775: 260–261), в 1786 г. появляется «Отрывок (Вольное подражание монологу Гамлета)» в переводе П. Карабанова, скрывшегося под псевдонимом L (Карабанов, 1786: 195–199; Карабанов, 1812: 37–40).

Важным источником знакомства русского читателя с Шекспиром стал педагогический трактат английского поэта и книготорговца Роберта Додсли (Dodsley, 1703–1764) «Преподаватель, или Всеобщая система воспитания» («The Preceptor: First Principles of Polite Learning», 1748, 2 vol.), в котором в качестве образцов для театральных декламаций приведены монологи и сцены из пьес Шекспира. «Преподаватель» был популярен и переведен на немецкий язык. Третье немецкое издание, «исправленное и умноженное» профессорами Иоганном Шреком и Иоганном Эбертом, послужило источником для переводов на русский язык отрывков из шекспировских пьес. А. А. Петрову (1763–1793) принадлежат следующие переводы, выполненные с немецкого языка прозой: «Монолог Генриха IV, когда он ночью получил известие о возмущении графа Нортумберландского» (Петров, 1789: 100); «Король Генрих IV. Отрывок из 2-й части, дейст. IV, сц. 4» (там же: 101–103); «Отрывок из “Короля Генриха V”. Дейст. IV, сц. 3» (там же: 103–104); «“Король Генрих VIII”. Падение Кардинала Волзея при Генрихе VIII. Отрывок из

III действ., сц. 2» (там же: 104–107); «Пря между Брутусом и Касиусом в трагедии, названной Июлий Цесарь. Отрывок. Дейст. IV, сц. 3» (там же: 108–111). М. И. Веревкин (1732–1795) перевел прозой с немецкого следующие отрывки: 6-ю сцену II действия комедии «Как вам это понравится» (Веревкин, 1789: 258–261); «Монолог Генриха четвертого Английского короля, узнающего среди ночи о мятежничестве Графа Нортумберландского» (там же: 165–167). Перечислим другие переводы М. И. Веревкина, который, переводя тот же самый педагогический сборник, поневоле состязался с А. А. Петровым: «Отрывок из “Короля Генриха V”» (там же: 276–279); «“Король Генрих VIII”. Падение Кардинала Волзея при Генрихе VIII. Отрывок из III действ., сц. 2» (там же: 280–289); «Пря между Брутусом и Касиусом в трагедии, названной Июлий Цесарь. Отрывок. Дейст. IV, сц. 3» (там же: 290–302). Проблему перевода монолога Гамлета о смерти (у Додсли — «Hamlet's Meditation on Death», в немецком переводе — «Hamlets Betrachtung des Todes») переводчики решили по-разному: близкий друг Н. М. Карамзина А. А. Петров (Петров, 1789: 262–264) «дал довольно точный прозаический перевод» (Лазарчук, Левин, 1999: 305), переводчик при Кабинете Ее Величества Екатерины II М. И. Веревкин привел стихотворное переложение данного места из «Гамлета» Сумарокова (1748), что само по себе является признанием его пьесы читателями и педагогами.

Уже ближе к концу XVIII столетия в отдельных изданиях и журналах печатаются целые произведения Шекспира. Так, в 1783 г. в Нижнем Новгороде издается прозаический анонимный перевод с французского языка трагедии «Жизнь и смерть Ричарда III, короля аглинского», в предисловии к которому приводится отзыв о Шекспире Вольтера («Жизнь и смерть Ричарда III», 1787).

По-своему интересно «Вольное переложение из Шакеспира», выполненное императрицей Екатериной II и вышедшее под названием «Вот каково иметь корзину и бельё» (Екатерина II, 1786). По всей вероятности,

Екатерина II познакомилась с творчеством Шекспира во французских или немецких переводах. Ее переделка «Виндзорских кумушек» вышла посредственной и лишь отдаленно напоминала подлинного Шекспира. Подражая историческим хроникам Шекспира, она сочинила две пьесы из жизни Рюрика и Олега. Главное отличие этих литературных опытов Екатерины II от исторических хроник Шекспира заключается в том, что в уста древнерусских князей императрица вкладывает свои собственные нравственно-политические идеи и мысли, которыми она щедро делится с действующими лицами своих сочинений. Самая образованная российская императрица Екатерина II также пыталась приспособить к русской сцене «Короля Джона». Подобно английской королеве Елизавете I, Екатерина II придавала огромное значение театру. Она написала тринадцать пьес, не считая одноактных драматических пословиц на французском языке, которые были предназначены для театра «Эрмитаж». Несмотря на литературный дар и чуткую восприимчивость к явлениям окружающей жизни, Екатерина II не принимала занятий литературой всерьез, смотрела на свои сочинения как на развлечение и безделушки. В письме своему корреспонденту Ф. М. Гримму она писала: «Я люблю делать опыты во всех родах, но мне кажется, что все написанное мною довольно посредственно, почему, кроме развлечения, я не придавала этому никакой важности» (цит. по: Солнцев, 2002). По-видимому, самооценка справедлива, но для нас важен сам факт интереса, проявленного русской императрицей к творчеству английского драматурга.

Любопытен и тот факт, что уже к концу 1770-х — началу 1780-х годов русские писатели живо откликались на проходившие в западноевропейской критике споры о Шекспире. Среди них находим и М. Н. Муравьева. Он отозвался на дискуссию вокруг вышедшего в 1776 г. во Франции первого тома собрания сочинений Шекспира в переводе П. Летураера (Shakespeare W., 1776–1782). В стихотворении «Мерсьер и ле Турнер и ка-

валер Ретлидж» (1770–1780-е годы) он своеобразно описал спор между Летураером и членами Французской академии, поддержавшими возмущение Вольтера:

Мерсьер и ле Турнер и кавалер Ретлидж
 Стоят за Шекспира;
 А де ла Гарп и латинистов спира
 Против Вилиама на стогнах кличут клич.
 И в этой Франции умы не одинаки:
 В политике, в войне и у Парнасских гор —
 Везде раздор,
 Разноголосица и драки.
 Но если нравиться должны какие враки,
 Так Шекспириков то величественный вздор!
 (Муравьев, 1967)

В предисловии к своему переводу Летураер поставил Шекспира выше Расина. Этим он вызвал гнев Вольтера, который обратился с раздраженными письмами к членам Французской академии (в том числе к Ж.-Ф. Лагарпу, 1739–1803) с призывом «унять наглеца» и не допустить, чтобы «английский Жиль» (клоун) вытеснил Корнеля и Расина. В защиту Шекспира выступили многие, в том числе французский писатель-просветитель С. Мерсье (1740–1814) и англичанин Д. Ретлидж. Именно эти персоналии упомянуты в стихотворении М. Н. Муравьева.

Отсюда вполне логично предположить, что 20-томное полное собрание драматических произведений Шекспира во французском переводе Пьера Летураера было источником, по которому произошло первоначальное знакомство Муравьева с творчеством Шекспира.

Издание выходило в 1776–1782 гг. (Луков, 2006), оно было хорошо известно публике, читающей по-французски, а его подписчиками в России были Императрица Екатерина II, Князь Бярятинский, граф Чернышев, секретарь русского посольства в Лондоне Лизакевич, генерал Шувалов, секретарь русского посла Сокологорский, граф Строганов и некий «негоциант в Петербурге» Саж (Sages) (см. предпосланный к первому тому издания список «Noms de MM les Souscriteurs»; указ. по: Лазарчук, Левин, 1999: 311).

Неправильно велик, мечты любимый сын,
Владыка британских сцен, зовомый
Шекспиром.
Природы дар его устав,
И им сотворены Отелло и Фальстаф.
(Муравьев, 1967: 172)

Если выполненный Летуэрнером перевод трагедии «Отелло» («Othello, ou le More de Venise») был опубликован в первом томе в 1776 г., то переводы пьес, где действующим персонажем выступает Фальстаф («Henri IV, Roi d'Angleterre» и «Les femmes joyeuses de Windsor»), вошли в опубликованные в 1781 г. девятый и десятый тома. Впрочем, Фальстаф упомянут во включенной в первый том биографии Шекспира («Vie de Shakespeare»). Муравьев, который внимательно следил за выходившими томами издания Летуэрнера, вряд ли проигнорировал упоминание о Фальстафе, хотя вполне вероятно, что могли существовать и другие источники, заинтересовавшие Муравьева этим шекспировским героем. Можно предположить, что к тому времени в литературном кругу Муравьева образы Отелло и Фальстафа уже утвердились как литературные типы, были достаточно известны и имели хождение в устном общении между единомышленниками. Возможно, Муравьев, знавший кроме французского еще латынь, итальянский и немецкий языки, пользовался для своих шекспировских штудий немецкими переводами. Поскольку в русской культуре того времени основными иностранными языками были французский и немецкий, то английская литература в основном была знакома читателю по «переводам-посредникам», а не по оригиналу (Заборов, 1963: 69–70). Наконец, Муравьев мог иметь доступ к более раннему переводу Шекспира на французский язык — к переводу П. А. де Лапласа (Laplace). Он осуществил перевод основных сочинений Шекспира в 1745–1748 гг., выпустив восьмитомное издание под названием «Английский театр», в котором первые четыре тома занимали шекспировские произведения (Луков, 2009).

Существенно, что до конца 1780-х годов Муравьев пытается всячески оправдать поэтику Шекспира, ее несоответствие классицистическим образцам. В стихотворении «Видение» (1770-е годы) Муравьев дает английскому драматургу поэтический комментарий подобный тем, что были свойственны суждениям Сумарокова. Перед поэтом, созерцающим во сне Олимп, предстает следующая картина:

Здесь, — вождь мой говорил, — пииты всех
народов.
Все современники верховные умы,
И новых с древними не знаем распри мы.
Рашинов образ здесь зришь возле Еврипида,
С Эсхилом — Шекеспир неправильного
вида,
Истолкователь мой со мною Буало,
И Попа к нам в союз бессмертье привело».
(Муравьев, 1967: 190–191)

Драматургия этого «Шекспира неправильного вида» в представлении Муравьева не может соответствовать традиционным классицистическим правилам. В личных записях русский поэт отмечал, что «вольный дух Шекспиров, которому природа служила вместо учения», заставляет простить «беспрестьянное смешение подлого с величественным» (цит. по: Шекспир и русская культура, 1965: 114).

Когда точно сформировались более полные и достоверные представления Муравьева о Шекспире — вопрос пока не решенный. До нас дошла краткая биография Шекспира, которую Муравьев включил в «Записки, касающиеся до истории писмен и наук». Исследователями уже выдвигалась гипотеза, что, скорее всего, это была заметка, «заимствованная из какого-то иностранного источника», а «судя по почерку и цвету чернил, она, видимо, была внесена сюда позднее сведений о других писателях» (Лазарчук, Левин, 1999: 309). Датировка этой биографической справки — не единственная неразрешенная проблема, связанная с ее интерпретацией, она «производит странное впечатление, Шекспир здесь назван именем John,

а о его творчестве говорится лишь, что написанный в молодости “баллад” “открыл его дарования в стихотворстве” — и больше ничего» (там же со ссылкой на: РНБ, ф. 499, № 48, л. 47, об., с. 94).

Если согласиться с мнением, «что на рубеже 70–80-х годов именно Муравьев, видимо, лучше других знал и понимал английскую поэзию» (Топоров 1992: 14), то совершенно естественным образом возникает вопрос, когда была написана данная заметка о Шекспире, каков ее «иностранный источник» (французский, немецкий или английский) и когда именно русский писатель мог читать ее на языке оригинала. Известно, что М. Н. Муравьев начал занятия английским языком лишь не ранее 20 апреля 1781 г. (письмо сестре Федосье и дневниковые тетради), когда русскому писателю было 23 года (Лазарчук, Левин, 1999). Вероятно, самостоятельные занятия были малоуспешными, и в конце концов писатель обратился к помощи учителя. В той же тетради 7 декабря 1782 г. присутствует запись о «первом уроке аглинскаго у Г. Бея» (РНБ, ф. 499, № 37, л. 40 об., цит. по: Лазарчук, Левин, 1999: 310). Упоминания о занятиях греческим и английским языками есть и в другой тетради Муравьева, где он в хронологическом порядке перечислил наиболее существенные события своей жизни. Озаглавленная по-итальянски «*Caro memone ed onorate*» («Милые и чистосердечные воспоминания»), запись на внутренней стороне переплета относится к 1782 г. (РНБ, ф. 499, № 27). Из этих фактов исследователи делают предположение, «что к середине 1780-х годов, когда в его библиотеке появились английские книги, Муравьев в известной мере овладел английским языком» (Лазарчук, Левин, 1999: 311, со ссылкой на: Мартынов, 1981: 55), а «судя по рабочим тетрадям и письмам Муравьева, он вполне овладел английским языком только к концу 1780-х годов» (Лазарчук, Левин, 1999: 316).

В сочинениях Муравьева 80–90-х годов неоднократно встречаются упоминания Шекспира и его персонажей, что свидетельствует о серьезном изучении им творчества

британца. Как гениальный поэт, Шекспир был для Муравьева выдающимся самородком, «которому природа служила вместо учения». Не одобряя его «беспреданное смешение подлого с величественным» и «неверное изображение древних нравов», он отмечал такие важнейшие достоинства творчества драматурга, как «красноречие сердца неподражаемое, горящее истиною, поражающие обороты чувствований и удивительное богатство описаний» (Муравьев, 1819: 179–180).

К числу «странных сближений» можно отнести то, что в стихотворении «К Музе» (1790-е годы) М. Н. Муравьев ставит в один ряд с Шекспиром («резвое дитя мечты») «гордого певца» — Ломоносова (Муравьев, 1967):

Влагаешь чувство красоты
И в резвое дитя мечты
На берегах Авона,
И в гордого певца,
Который убежал из хижины отца
От влажных берегов архангельского града,
Чтоб всюду следовать, дщерь неба,
за тобой
И лиру смешивать с военной трубой.
Тобою внушена бессмертна «Россиада»,
Тобою «Душенька». Ты с бардом у Невы
Священны истины вливаешь смертным
в уши
Иль водишь сладостно в окрестностях
Москвы
За бедной Лизою чувствительные души.

В представлении Муравьева холмогорский мужик Ломоносов сделал такую же восхитительную поэтическую карьеру, как уроженец Стратфорда-на-Эйвоне Шекспир. Упоминаются также Херасков, Богданович, Карамзин, очевидно, и Державин («бард у Невы») — весьма значительная плеяда писателей XVIII в., которые, хотя и в разной степени, имеют отношение к предромантизму, в рамках которого в Европе формировался культ Шекспира (Луков, 2006).

Поначалу достаточно сдержанное восприятие Шекспира («своенравные картины

Шекспира») перерождается в решительное предпочтение Муравьевым английского драматурга всем остальным писателям: «Против него (Шекспира. — Н. З.) все французы — живописцы в миниатюре и едва ли живописцы». Такие частные высказывания о Шекспире Муравьева, несомненно, представляют большой интерес. Муравьев, пожалуй, первым из русских литераторов вводит «культ Шекспира» в России. Пример Шекспира помогает Муравьеву сформулировать очень важную для его творчества мысль: «...Различие между писателями объясняется временем и “духом земли”. Чем большую роль сыграл каждый из них в истории культуры и языка своей страны, чем более произведения его обогащают и облагораживают чувства человечества вообще, тем долее не умрет он в памяти потомства» (Кулакова, 1967: 17).

Стихотворная и прозаическая критика М. Н. Муравьева является ярким примером того, как на рубеже XVIII–XIX вв. творчество английского драматурга влияло на отечественный литературный процесс. Вместе с Карамзиным Муравьев стал одним из первых почитателей Шекспира, знатоков и популяризаторов его творчества в России. Но, пожалуй, самым интересным и знаковым шекспировским творением Муравьева является выполненный им «Гамлетов Монолог», который еще до недавнего времени существовал только в рукописном виде (РГБ, рукопись-конволют, без шифра, л. 56. об.). Р. М. Лазарчук и Ю. Д. Левин опубликовали этот перевод лишь в 1999 г. (Лазарчук, Левин, 1999: 306–307).

Основываясь на детальном анализе писем и дневниковых записей М. Н. Муравьева, исследователи делают ряд важных наблюдений.

Во-первых, ставя проблему датировки перевода, исследователи заключают, что несмотря на то, что рукопись перевода занимает часть листа 56 об. в «Журнале на 1776 год», это, «не означает, что он был создан в том же году» (Лазарчук, Левин, 1999: 311, со ссылкой на сомнения в этой датировке, высказанные в приложении к ст.: Алехина,

1990: 70). Муравьев мог читать «Гамлета» в переводе Летуэрнера в 1779 г. по пятому тому, где был напечатан переведенный на французский и «достаточно верно» известный монолог (Shakespeare, 1776–1782. Т. 5: 119–122; Лазарчук, Левин, 1999: 317). Проведенное сопоставление монолога Гамлета в оригинале с французским, немецким и русским переводами выявило у Летуэрнера отклонения, которых нет у Муравьева (Лазарчук, Левин, 1999: 313–314).

Анализ перевода Муравьева, сделанный Р. М. Лазарчук и Ю. Д. Левиным, выявил любопытную связь с вышеупомянутым прозаическим переводом монолога Гамлета, выполненного А. А. Петровым с немецкого языка (Лазарчук, Левин, 1999: 316). Близость переводов Муравьева и Петрова дает основание предположить, что «Гамлетов Монолог» был окончен одновременно с опубликованным в 1789 г. «Гамлетовым размышлением о смерти».

Тот факт, что в библиотеке М. Н. Муравьева было второе издание немецкого перевода английского педагогического трактата Роберта Додсли, куда также вошла немецкая версия монолога Гамлета (сохранился отрывок его каталога с записью «149. Учитель, или Система воспитания. С Агл. 1765, Лейпц. 2 тома 8» — РНБ, ф. 499, № 6, л. 4 об., сообщено Н. Д. Кочетковой), подтверждает мысль о том, что данный текст имел особое значение для раннего знакомства с отрывками из Шекспира в России.

Когда точно Муравьев познакомился с переводом монолога Гамлета на доступный ему немецкий язык, еще предстоит уточнить. «Немецкий перевод достаточно точен <...>, выполнен согласно оригиналу белыми стихами пятистопного ямба и содержит 33 строки, причем последняя строка, как и в оригинале, неполная» (Лазарчук, Левин, 1999: 314). Даже если предположить, что при переводе Муравьев обращался к оригиналу, «русский поэт, несомненно, обращался к немецкой посреднической версии», что проявилось в использовании эпитетов из немецкого перевода, структурных заимствований

восклицательного знака в конце строки (см.: Лазарчук, Левин, 1999: 315).

Поэтика немецкого перевода была Муравьеву ближе поэтики оригинала своей эмоциональной выразительностью, сентименталистской направленностью: «в нем устранена лексика, которую русский поэт мог счесть вульгарной» (там же). Тем не менее, есть в переводе Муравьева и следы чисто оригинального творчества. Муравьев играет «многозначиями, восклицательными знаками, в силу прежней приверженности классицизму употребляет архаизмы и т. д.» (там же).

Помимо переделки Дюси, переводов Латурнера, немецкого «перевода-посредника», Муравьев мог знать о существовании перевода Плещеева (1775), опубликованного в «Опыте трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете», членом которого Муравьев стал спустя год (3 декабря 1776 г.). Он стал членом Вольного российского собрания по представлению своего наставника Антона Алексеевича Барсова, профессора Московского университета, писателя, переводчика и цензора. В течение девяти лет (1774–1783) А. А. Барсов был секретарем «Общества» и редактором «Опытов». Лекции профессора Барсова Муравьев слушал студентом университета. Учащиеся в университете «упражнялись в переводах с древних языков на русский и с русского на латинский», ежемесячно должны были писать латинское сочинение, которое затем подвергалось тщательному разбору. Барсов также «ссужал» книгами своего «бывшего воспитанника» (там же, со ссылкой на письмо М. Н. Муравьева своему отцу Н. А. Муравьеву от 8 декабря 1776 г., ОПИ ГИМ, ф. 445, собр. А. Д. Черткова, ед. хр. 49, л. 13). Антон Барсов был тем цензором печатавшихся в университетской типографии произведений, который дал «Одобрение» на издание «Учителя или Всеобщей системы воспитания» в прозаическом переводе с немецкого А. Петрова (1789). Это дополнительное свидетельство того, что перевод А. Петрова вполне мог быть известен М. Н. Муравьеву.

В незавершенной заметке о переводах Муравьев говорит о необходимости адекватного воссоздания не только содержания, но и элементов индивидуальной поэтики переводимого произведения. В этом Муравьев явно отходит от классицистического принципа «украшательного перевода»: «Надо не так переводить Лукиана, как Овидия, и обратно, не стараться поправить оригинал. В переводе, как в чистом зеркале, не только красоты, да и погрешности видеть должно» (цит. по: Фоменко, 1984: 60–61).

У Шекспира монолог составляет 33 строки, Муравьев следует за оригиналом и достигает эквилибрности (в отличие от Плещеева, у которого 31 строка). Пропагандистом этого принципа стихотворного перевода был Тредиаковский (Тредиаковский, 1752. Т. 1: 4).

Муравьев заменил пятистопный ямб Шекспира шестистопным с цезурой после третьей стопы. Требование просодического соответствия стихотворного перевода оригиналу в русской литературе было сформировано в начале следующего года (см.: Левин, 1963: 24–26). Интересно, что Муравьев использует дериват рифмованного александрийского стиха, широко распространенного в период классицизма в русской поэзии XVIII в. Обязательный для «высоких» жанров, этот стих использует А. П. Сумароков в трагедии «Гамлет». Но в отличие от М. И. Плещеева Муравьев, следуя английскому оригиналу, перевел монолог нерифмованным (белым) стихом, «и, возможно, он противопоставлял свой перевод плещеевскому» (Лазарчук, Левин, 1999: 313).

Несмотря на то что Муравьев делал эти переводы для личных нужд и «не предназначал для печати», «переводимые оригиналы так или иначе были в согласии с духовной жизнью русского поэта — его мировоззрением, настроениями и переживаниями [...] Трагический монолог Гамлета был ему внутренне близок. В его переводе встречается даже некоторое усиление скорбной тональности за счет эмоциональных эпитетов» (Петрова, 1958: 151–166).

Сравним фрагмент шекспировского монолога в нескольких версиях.

Оригинал: «thus the native hue of resolution / Is sicklied o'er with the pale cast of thought» (пер.: «так врожденный цвет решимости болезненно покрывается бледным оттенком мысли»).

В немецком переводе: «*So macht uns alle das Gewissen feige! I Die Ueberlegung krank mit bleichen Farbe / Das Angesicht des feungsten Entschlusses*» (пер.: «Так делает всех нас совесть трусливыми! Размышление обижает бледной краской лицо пылающею решения»).

У А. А. Петрова: «Так-то совесть во всех нас робость вселяет / Размышление покрывает бледностью горящее лицо решимости».

У Муравьева: «так-то совесть нас всех робкими творит / и размышление наводит томну бледность / Посверх намерений, пылающих в душе».

Очевидно, что содержание русского перевода Муравьева восходит к немецкому. Его перевод представляется более удачным, возможно, он был выполнен позже версии Петрова, и Муравьев, ознакомившись с ним, попытался выполнить лучше.

В 1780–1790-е годы Муравьев перевел несколько других отрывков из произведений английских поэтов. Как и «Гамлетов Монолог», они не были опубликованы, и, видимо, служили материалом для упражнений в английском языке, помогали Муравьеву лучше разобраться в понравившихся при чтении местах. Так, русский поэт перевел из Дж. Милтона начало III книги «Потерянного рая», из А. Поупа — фрагмент заключения «Опыта о человеке», из Дж. Томсона — отрывок из «Времен года» (см.: РГБ, рукопись-конвюлют М. Н. Муравьева, л. 62, об, 65, 82).

Тезаурусный подход к переводам М. Н. Муравьева позволяет наглядно продемонстрировать процесс освоения шекспировского текста, как он развивался в русском культурном тезаурусе, ибо при всей индивидуальности взглядов этого русского писателя его путь к Шекспиру был достаточно типичным для конца XVIII в.

Пример М. Н. Муравьева отражает сложный процесс шекспиризации в русской литературе рубежа XVIII–XIX вв., период зачастую противоречивый, но важный для творческого восприятия инокультурного материала. Шекспировские персонажи, как и образ самого драматурга, проблема становления его репутации в культурной среде Европы, тема, связанная с теорией перевода и рецепцией английской литературы в русском сознании, по-своему отражаются в оригинальном творчестве Муравьева.

Как видим, шекспиризация по-русски в чем-то повторяла западную шекспиризацию, а в чем-то имела свои неповторимые черты, тем самым вливаясь в общую сложную картину диалога, переключки, взаимотражений культурных тезаурусов европейских стран и России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алехина, Л. А. (1990) Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей // Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. Зап. отд. рукописей. М. Вып. 49. № 128.

Веревкин, М. (1789) «Король Генрих VIII». Падение Кардинала Волзея при Генрихе VIII. Отрывок из III действ., сц. 2 / пер. М. Веревкина // Наставник, или Всеобщая система воспитания... Ч. I. СПб. : Тип. Горного училища.

Веревкин, М. (1789) Монолог Генриха четвертого Английского короля, узнающего среди ночи о мятежничестве Графа Нортумберландского / пер. с нем. М. Веревкина // Наставник, или всеобщая система воспитания... Ч. I. СПб. : Тип. Горного училища.

Веревкин, М. (1789) Отрывок из «Короля Генриха V» / пер. М. Веревкина // Наставник, или Всеобщая система воспитания... Ч. I. СПб.

Веревкин, М. (1789) Пря между Брутусом и Касиусом в трагедии, названной Июлий Цезарь. Отрывок. Дейст. IV, сц. 3 / пер. М. Веревкина // Наставник, или Всеобщая система воспитания... Ч. I. СПб. : Тип. Горного училища.

Веревкин, М. (1789) Степени жизни. «Как вам это понравится», дейст. II, сц. 6 / пер. с нем. М. Веревкина // Наставник, или всеобщая система воспитания... Ч. I. СПб.

- Екатерина II. (1786) «Виндзорские кумушки» — Вот каково иметь корзину и белье. Вольное переложение из Шакспира. В 5 действиях. СПб.
- Жизнь и смерть Ричарда III, короля аглинского, трагедия. (1787) / пер. прозою с фр. в Нижнем-Новгороде 1783 года. СПб.
- Заборов, П. Р. (1963) «Литература-посредник» в истории русско-западных литературных связей XVIII–XIX вв. // Международные связи русской литературы / под ред. М. П. Алексеева. М. ; Л.
- Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы. М.
- Карабанов, П. (1786) Гамлет. Отрывок. (Вольное подражание монологу Гамлета) / пер. L... [П. Карабанов] // Лекарство от скуки и забот. Ч. 1. № 17.
- Карабанов, П. (1812) Стихотворения. М.
- Кулакова, А. (1967) Поэзия М. Н. Муравьева // Муравьев М. Н. Стихотворения. Л.
- Лазарчук, Р. М., Левин, Ю. Д. (1999) «Гамлетов Монолог» в переводе М. Н. Муравьева // XVIII век. Сб. 21. Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). СПб. : Наука.
- Левин, Ю. Д. (1963). Об исторической эволюции принципов перевода (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы. М. ; Л.
- Левин, Ю. Д. (1988) Шекспир и русская литература XIX века. Л.
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания. М.
- Луков, Вл. А. (2006) Предромантизм. М.
- Луков, Вл. А. (2009) Ле Турнер Пьер («Мир Шекспира») // shworld.box.interso.ru/ru/
- Мартынов, И. Ф. (1981) Библиотека и читательские дневники М. Н. Муравьева // Памятники культуры. Новые открытия : ежегодник. Л.
- Муравьев, М. Н. (1819) ПСС Ч. 1. СПб.
- Муравьев, М. Н. (1967) Стихотворения. Л.
- Петров, А. А. (1789) «Король Генрих VIII». Падение Кардинала Волзея при Генрихе VIII. Отрывок из III действ., сц. 2 / прозаич. пер. с нем. А. Петрова // Учитель, или Всеобщая система воспитания. Ч. I. М.
- Петров, А. А. (1789) Гамлетово размышление о смерти / прозаич. пер. [А. Петров] // Учитель, или Всеобщая система воспитания. Ч. I. М. : Унив. тип. Н. Новикова.
- Петров, А. А. (1789) Король Генрих IV. Отрывок из 2-й части, дейст. IV, сц. 4 / прозаич. пер. с нем. А. Петрова // Учитель, или Всеобщая система воспитания. Ч. I. М. : Унив. тип. Н. Новикова.
- Петров, А. А. (1789) Монолог Генриха IV, когда он ночью получил известие о возмущении графа Нортумберландского / пер. с нем. А. Петрова // Учитель, или Всеобщая система воспитания. Ч. I. М., Унив. тип. Н. Новикова.
- Петров, А. А. (1789) Отрывок из «Короля Генриха V». Дейст. IV, сц. 3 / прозаич. пер. с нем. А. Петрова // Учитель, или Всеобщая система воспитания. Ч. I. М.
- Петров, А. А. (1789) Пря между Брутусом и Касиусом в трагедии, названной Июлий Цезарь. Отрывок. Дейст. IV, сц. 3 / прозаич. пер. с нем. А. Петрова // Учитель, или Всеобщая система воспитания. Ч. I. М.
- Петрова, З. М. (1958) Эпитеты М. Н. Муравьева // Язык русских писателей XVIII века. Л. С. 151–166.
- Плещеев, М. И. (1775) «Иль жить, или не жить, теперь решиться должно» // Опыт трудов Вольного Российского собрания. Ч. II. М.
- Солнцев, В. (2002) Екатерина II // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. М. : Изд-во «Адепт».
- Сушкова, М. (1772) Монолог Ромео из дейст. V, сц. 3 // Вечера. Ч. I, вечер 2-й.
- Топоров, В. Н. (1992) Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithian'ы: (к постановке вопроса). Wien. (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderb. 29).
- Третьяковский, В. К. (1752) Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василья Третьяковского. СПб.
- Фоменко, И. Ю. (1984) М. Н. Муравьев и проблемы индивидуального стиля // На путях к романтизму : сб. науч. тр. Л.
- Шекспир и русская культура. (1965) / под ред. М. П. Алексеева. М. ; Л.
- Shakespeare W. (1776–1782) Oeuvres complètes, traduites de l'anglais par Letourneur. P. V. 1–20.